

МУРМАН ДЖГУБУРИЯ

ВЕНЕЦ МУЖЕСТВА,
или
ПОЭЗИЯ + СУДЬБА = РОДИНА

Скажи правду, и мертвец восстанет.

Грузинская пословица

Общеизвестно высказывание Верлена: “Музыка прежде всего”. Наш Галактион, который ценил и переводил Верлена, написал стихотворение, полемизирующее с французским поэтом.

Музыка — прежде всего (в начале стиха).

Поэзия — прежде всего (в середине стиха).

Родина — прежде всего (в конце стиха).

Григорий Орбелиани писал: “Падёт язык (Поэзия) — падёт нация (Родина)”. Современный русский поэт Станислав Куняев написал книгу “Поэзия. Судьба. Россия” — почти вековую историю русской поэтической словесности. Язык сохраняет Поэзия (Поэт), у Поэта своя Судьба, и это всё, вместе взятое, равно Родине (России). Кстати, Россия и Родина начинается (пишется) с одной и той же буквы, как Сакартвело* и Самшобло**. Книга (книги) Ст. Куняева нас знакомит с Судьбой Поэзии (Поэтов) — с Судьбой Родины.

Чему, чему свидетели мы были...

(А. С. Пушкин)

Ст. Куняев: “Идёшь ночью — луна светит. Тишина. Только такие же, как ты, с узелками. Молча все идут. Возле тюрьмы рассвет встретишь и стоишь в очереди. Народу! Давка! Плач! Никто ничего не знает”.

Поэт говорит: “Плач!” А я слышу тишину, ибо “плача” никто не слышит, никто на это не обращает внимания. И, как говорила Ахматова, “Слышите, как время идёт?” или, наоборот, время вовсе остановилось, замерло. “Молча все идут” оттого, что “никто ничего не знает”. “Может быть, судьба выбрала меня для осмысления...” (Ст. Куняев).

* Грузия.

** Свобода.

*Пишу не чью-нибудь судьбу,
Свою от точки и до точки,
Пусть я буду в каждой строчке
Подвластен вашему суду...*

*А всё же кто-нибудь поймёт,
Где грохот времени, где проза,
Где боль, где страсть, где просто поза,
А где — свобода и полёт!*

“Где просто поза...” Никакой позы в этой книге не найдёт читатель. Найдёт ошибку неверного шага, что прежде нас отмечает сам Автор — главное лицо этой книги. Но “позы” как таковой не найти. “Хотел сказать совсем другое и совсем другое подсказала рифма” (“проза — поза”). Поэт говорит правду и только правду, и всегда правду, чего требует народный суд от свидетеля. А правда такова: “Молча все идут...”, “Никто ничего не знает...” Ан нет! Знает!

“Мы все отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробегать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут”.

Сталин, 1931 год.

“Все мы вышли из детства”. И автор с первых же страниц своей книги возвращается к своему прошлому. “Я решил искупаться в водах, где купался в детстве. Я вошёл в ручей. Он был мне едва по колено. Я лёг в воду на грудь, потом на спину и долго лежал. Вылез на берег, заросший сурепкой, тысячелистником и полынью. По тропинке бежало трое ребятишек. “Да это же я!” — пронеслось в моей голове...”

Как известно, время больше и чаще всего сравнивают с рекой, с водой. Течёт река, но не течёт. Всегда на месте. И известное высказывание, что нельзя войти в одну и ту же реку дважды, теряет смысл: река всегда на месте, время постоянно, а что постоянно, то вечно. “Да это же я!”

“Крестики в могилу не клали”, — пишет Поэт. Подразумевается прошлое время, но также и настоящее, и будущее. Это традиция, табу. То, что нельзя нарушить.

“Берегли керосин и, насколько возможно, пытались жить в темноте”.

Подчеркнём: “насколько возможно...”

Вот такими единственными словами, такими точными и правдивыми словами строится история — “Поэзия. Судьба. Россия”.

“Какой-то мужчина, завидев нас, подхватил тебя и посадил на платформу, а потом помог сесть и мне”, — рассказывает мать сыну, будущему поэту, вспоминая блокаду Ленинграда. В одной, в единственной фразе — огромное пространство, уйма вопросов: кто этот “какой-то мужчина”, как его звали, кем он был, и куда он сам ехал, или никуда не ехал, солдат или не солдат? Вспоминается гениальная картина — только что искупались мать и дитя. Они оба голые, и мать надевает рубашу ребёнку. Незнакомый мужчина подхватил мальчика и только после этого помог его матери сесть в вагон. Классика!

Пойдём дальше.

Взрослеет автор — герой книги, и как будто взрослеем мы сами. 1952 год. Стасик Куняев уже студент. Профессор С. М. Бонди спрашивает у студентов:

— “Капитанскую дочку” читали?

— Читали!!!

— Как вы думаете, Пугачёв патриот?

— Патриот!

— А капитан Миронов — патриот?

— Патриот!

— А почему один патриот повесил другого патриота? Вот когда вы сумеете ответить на этот вопрос, тогда и станете настоящими филологами.

“Эту сцену я запомнил на всю жизнь”. Ст. Куняев.

Как-то в Переделкино, недавно, я познакомился с одним абхазским поэтом.

— Как там в Тбилиси? — спросил он меня.

— Плохо. А как в Сухуми?

— Плохо, — ответил он мне.

— Если и у вас, и у нас плохо, тогда кто из нас победитель?

По следам и примеру Куняева, скажу: и эту сцену я запомнил на всю жизнь.

Но пойдём дальше.

“А про Сталина всё болтают!..” Не говорят, не рассказывают, не рассуждают, а “болтают”.

Недавно Ст. Куняев в своём журнале, в лучшем русском журнале, со своим предисловием опубликовал настоящего поэта-патриарха Виктора Белова.

*Что со мною случилось, не пойму.
От ненависти перешёл я к лояльности.
Всё тянет и тянет меня к нему,
К его кавказской национальности...*

Что это? Превращение? Никак нет! — рассуждает автор предисловия. Было время, когда поэт думал иначе, чем сейчас, но он не скрывает то настроение от читателя, потому что не боится своего читателя, не боится правды.

Читатель должен быть талантливым, говорит в этой книге Ст. Куняев. Талантливый поэт. Талантливый читатель.

*Я не ошибся, хоть и годы,
И эта стёганка на нём.
Он!
И меня узнал он сходу.
Ко мне работает плечом.
(А. Твардовский)*

Ст. Куняев: “Это волшебное, народное “сходу ко мне работает плечом” восхищало меня”. Вот также: “сходу ко мне работает плечом” — почти вся книга русского словотворца. Я говорю почти, ибо, положа руку на сердце, мне ещё не до конца понятна суть некоторых размышлений автора. В этой истории очень много говорится о русско-еврейских отношениях, говорится прямо, смело, в глаза. Как, например, говорит другой русский поэт Юрий Могутин: “За деньги еврей готов на всё, даже на доброе дело”. Я могу говорить о наших грузинских евреях, которые говорят на грузинском языке, но не могу говорить о русскоязычных евреях, ибо и язык наш, грузинский язык, тому учит. “Ты, всё говорящий. Ты, всё не говорящий” — так определяет суть нашего языка современный поэт. Язык — как водитель, и у водителей, разумеется, часто случаются аварии. И аварии случаются даже у несравненных водителей.

*Пойди ты прочь, ты мне не сын,
Ты трус, ты раб, ты армянин,*

— говорит герой поэмы Пушкина “Тазит”.

“Если даже Казбек помешает — срыть! — говорит другой поэт (Маяковский), — Всё равно не видать в тумане!”

*На глазу мелькает пятнышко
Злое пятнышко — Кавказ,
Не журишь ты, моя родная,
Как-нибудь его сморгнём.
(Ю. Кузнецов)*

Вот поэтому я буду говорить в моём письме больше о том, что я знаю лучше. Ибо, как видим, никто из нас не застрахован от аварий.

Нам, грузинам, особенно дорога суть дружбы, что берёт начало от бессмертной поэмы Руставели.

Ст. Куняев: “Передреев был одним из немногих поэтов моего поколения, кто каким-то чутьём ощущал, что есть правда и что есть неправда в стихотворении... Я верил ему больше, чем себе, когда нам было по двадцать пять лет, и продолжал верить, когда нам стало по пятьдесят...”.

“Я верил ему больше, чем себе”, – так мог сказать Автандил о Тариэле и Фридоне, и Фридон об Автандиле и Тариэле, и Тариэл об Автандиле и Фридоне. Так учит Руставели.

Но верил ли сам Передреев больше Куняеву, чем себе? Или Рубцов? Или Кузнецов? Или Кожин? Не знаю, не свидетель, но хочется верить, что все они – Куняев, Рубцов, Передреев, Кузнецов, Кожин – все пять мушкетёров верили в дружбу, как верят герои поэмы Руставели. Хотелось бы, потому что не все соратники дружили и лелеяли друг друга. Подразумеваю, конечно, и наших писателей-соратников.

Ст. Куняев: “Вроде бы одним временем, в одном времени жили, дышали и творили Ахматова, Сельвинский, Твардовский, Кирсанов, Смеляков, Безыменский, Заболоцкий, Уткин. Каждый из них был по-своему популярен, каждому критики предвещали светлое будущее... Смотришь сейчас – и как будто бы незаметно для глаза их посмертное значение пошло по разным железнодорожным веткам, постепенно удаляющимся друг от друга, словно бы стрелки кто-то перевёл...”

Вот так и бывает!

Есть произведение, которое умирает раньше, чем его производитель. Есть произведение, которое умирает со своим производителем. Есть произведение, которое оживает после смерти своего производителя.

В нашей реальности произведение покойного С. Шаншиавили, который прожил почти век и которого переводил, как помню, Пастернак, умерший до того или прежде, чем сам С. Ш. Произведения Нонешвили умерли вместе с автором. Произведения Гранели ожили после смерти автора.

“Разошлись пути-дороги”, – пишет Ст. Куняев.

А великолепная пятёрка – добавим сюда и В. Распутина, и В. Белова, и как раз получится великолепная семёрка – как шла, так и идёт по намеченному пути, и можно сказать по Твардовскому: “Дорога далека!”

Ст. Куняев: “Я сам, видя передреевскую беспечность и безалаберность, счёл своим радостным долгом собрать все его стихи, составить из них книгу, перепечатать и отнести её в издательство “Советский писатель”...”

Вот так же собирал, составлял, перепечатывал и издавал книги всех своих друзей (Каландадзе, Мачавариани) покойный ныне Мурман Лебенидзе. “Я сам...” Он сам (Ст. Куняев) подарил мне книгу стихов своего друга поэта Ю. Кузнецова. Как-то раз я встретился с Ст. Куняевым на улице, он нёс куда-то сборник стихов своего друга.

Читаю “Поэзию. Судьбу. Россию” и вижу, как любит он творения своих друзей-соратников – его произведение украшает уйма великолепных стихотворений Передреева, Рубцова, Кузнецова, украшает также уйма писем, и мне хочется здесь отметить те письма, в которых затрагивается наша грузинская современность.

А. Передреев: “Батум прекрасен. Но делать там нечего... Полоумный старичина давно окошел. Петуха съел, по-моему*, Фридон Халваши. В общем, никакого золотого руна... Выражение лица у него было такое, словно он Прометей, а я орёл, клюющий его печень. Пару раз я его, конечно, клюнул хорошо.

Грузия с её мелкопоместными душами и отвратительным самодовлеющим гостеприимством мне не пришлась...

В Батуме встретил единственного талантливого поэта Ладо Сеидишвили, и тот: “Жамэ-жамэ!” – и плачет по-французски”.

В этом маленьком письме очень много ошибок (“единственная и главная ошибка – повторение ошибки” – Конфуций), много аварий (языковых), а аварии, как известно, чаще всего случаются у нетрезвых водителей, особенно если у водителя (поэта) запой.

Ф. Халваши: “Передреев изумительный поэт. Гостил у меня. Переводил наших поэтов. Пил. Здорово. Что скрывать. Закрыв я его на замок, без водки и вина. Но что? Смастерил верёвку, привязал куски тряпок друг к другу, высунул голову из пятого этажа, спустил тару и деньги и попросил случайного прохожего на улице купить ему запивон. Свообразным был человеком, странным характером, но блестящим Поэтом”.

* Эти образы Передреев взял из стихотворения Есенина “Батум”: “Ходит полоумный старичина, Петуха на темень посадил”.

Грузинское гостеприимство (пиршество) и русское застолье – разное. Человек в запое не может, конечно, высидеть и выслушать уйму грузинских тостов, времени не хватит. Водка закуски почти не требует, а вино – требует.

“Вино – веселит, водка – озлобляет”, – говорит Чабуа Амирэджиби, к кому не вредно прислушаться.

“В Батуме встретил единственного талантливого поэта Ладо Сеидишвили...” И это неправда, дорогой Анатолий. В Батуми во время оно, когда Вы бывали там, жили и творили, кроме упомянутых Вами Ф. Х. и Л. С., незаурядные и вправду талантливые поэты Зураб Горгиладзе и Шота Зоидзе, чего не скажешь о Ладо Сеидишвили, ибо он не то, что “талантлив”, а начитан, интеллектуал, так сказать, как это заметно и из Вашего письма: “...всё “жамэ-жамэ”, и плачет по-французски”.

И наконец: “В общем, никакого золотого руна”. Золотое руно надо искать, дорогой Анатолий, не в Батуми, а в Кутаиси и в Поти, и ещё надо было перечитать древних греков, историков и поэтов, хотя бы “Медею” Еврипида, не говоря об “Аргонавтах”.

Не в обиду это будет сказано такому поэту, кто из нас не ошибался, и закончим этот отрезок нашего письма словами Вадима Кожинова: “Анатолий Передреев – один из самых истинных и глубоких поэтов нашего времени”.

А вот что говорит о Николае Рубцове Михаил Ерёмин: “Думая о Рубцове, [...] я горжусь, что я русский”. “Этот твой друг”, – говорит Станислав Куняев о рано погибшем поэте, и ты чувствуешь, что он именно твой друг (“поэт поэту есть кунак”). Но в “Поэзии. Судьбе. России” много говорится не только о поэтах-соратниках, о читательском таланте, о простых сельчанах.

А вот что пишет Станислав Куняев в письме одному читателю из Орла, который сравнил судьбу Николая Рубцова с судьбой Владимира Высоцкого: “Вы сравниваете две несравнимые судьбы. Одна – бешеная, пуская в начале и полуподвальная, но потом во многом организованная слава, куча поклонников, театр, пресса, “мерседесы”, сладкие, ядовитые блага массовой культуры, открытая виза, залы Франции и Америки, пляжи Таити, деньги, репортёры, поклонники, отравление даже не водкой, а наркотической славой – или просто наркотиками, толпы на Ваганьковском кладбище, эфросы, вознесенские, рязановы, любимовы, шемайкины, влады, – словом, весь могущественный клан людей западной ориентации, мировой антрепризы с деньгами, связями, влиянием аж до самого верха...”

И другая жизнь – сиротство, детдом, одиночество, бедность, Кировский завод, обшарпанная гармошка, маленький круг друзей (несколько человек!), бескорыстное, подвижническое, монашеское служение поэзии, три тощеньких книжонки, изданные при жизни, бездомность, последнее письмо секретарю обкома с просьбой, чтобы хоть комнатку какую-нибудь дали. Нет, не звали его к себе “большие люди”, чтобы он им пел “Охоту на волков”, но и на могилу его на новом жутком вологодском кладбище к нему приходят только те, кто чужую могилу рядом не затопчет... И на надгробье у него не рекламно-пропагандистские лозунги Вознесенского (“о златоустом блатаре рыдай, Россия!”), а свои собственные, для души сказанные: “Россия, Русь, храни себя, храни”. Вот и всё. Совершенно разные жизни. Общее только одно – пили и умерли молодыми. Во всём остальном – ничто не объединяет этих поэтов. На том и стою”.

Грустно всё это читать. А что сейчас скажет нам летописец, тем более: “У Высоцкого и у Рубцова как всё при жизни сложилось, так продолжается и после смерти”.

Кстати: когда умер Булат Окуджава, вышла одноименная газета (“Булат Окуджава”), целых 32 страницы, где покойного поэта-барда приравнивают к великим Моцарту, Пушкину, Христу, Моисею (“ведь он тоже был косноязычным”). Ознакомившись с той публикацией, я опубликовал письмо в “Литературе Сакартвело”, на что незамедлительно ответил мне известный востоковед академик В. А. Гвахария, друг юности Окуджавы, который упрекал меня, что я напрасно сравниваю “гениального поэта” с каким-то “никчёмным поэтом” Н. Рубцовым, за что и получил мой ответ, после чего академик напрочь замолчал...

Ст. Куняев: “Николай Рубцов просит двадцать рублей у Бориса Слуцкого... Как горько мне сегодня слышать об этом...”

На проспекте Руставели встретились Шалва Дадиани и Терентий Гранели.

— Оденься, парень, оденься! — сказал князь.

— Батоно Шалва, одежда и питание нужны не только взрослым, но и детям. Ты, наверное, не знаешь нищету, что подобна маленькому распятию, — ответил Гранели.

Маленькое распятие — это жизнь А. Передреева и Н. Рубцова.

А сейчас послушаем, что говорил поэт-провидец Ст. Куняев в 1971 году: “Что толку, если я буду говорить, что хочу, а меня слушать будет некому? Останется разве что детективы сочинять?”

Навсегда запоминается рассказ о “русском человеке — Степане Фаркове”, “в судьбе которого, как в капле воды, отразилась судьба России в XX веке”.

Ст. Куняев мастерски вливает в книгу незабываемые картины, пейзажи родной земли, даёт время, чтобы отдышался, отдохнул читатель: “Ну, теперь спешить некуда. Можно закурить, глядя, как краснобровый красавец лежит на жёлтой лиственной хвое, вмёрзшей в льдистую корку ручья. В воздухе ещё кружится несколько серых пушинок, и ноздри щекошет крепкий запах порохового дыма. Редкие снежинки падают с неба на красные листья черёмухи, на прихваченные морозом горьковатые гроздья рябины, на безлистые кусты шиповника, усыпанные мясистыми, переспелыми ягодами, с прохладной сладостью тающими во рту...”

Я наломал сушняка, разжёл костерок, вытащил из сумки закопчённую консервную банку, набил её свежим снегом и повесил на проволоке над огнём...

Молоденькая тёмно-бурая белка зацокала над головой — я оглянулся. Она взлетела с земли на сосенку, и, подрагивая от любопытства, уселась в развилке, крутя мордочкой и цокая язычком: что это, мол, за существо и чего ему надо в моих владениях!

А день солнечный! Снег блестит, Тунгуска лежит перед глазами — слепящая, с чёрными лоскутами промоин. Мышь-землеройка копошится, роется в снегу возле зимовья. Я её трогаю пальцем, а она настолько занята добыванием пищи, что не обращает на меня внимания. Пробежала мимо чужого, только что освобождённого из капкана кобеля, тот клацнул зубами, но, к счастью для землеройки, промахнулся, а та, ничего не слыша, копошится, топчется розовыми мохнатыми лапками по снегу”.

Под этой живописью, по моему разумению, ни больше ни меньше, не отказался бы поставить свою подпись сам автор “Деревни” и “Антоновских яблок”. Под это художество, как и называли в доброе старое время наше рукоделие, — “художественная литература”.

“В лодке лягу, ветерок набежит, цветами пахнет... Ондатр на лодку залезет... Утки кричат... Дух идёт такой, [...] не надышишься!”

Вот и Бунин: “Паром, скрипя, ушёл...”

Слова фронтовика Фарнова в исполнении Ст. Куняева: “Я говорю: “Лежи, не поднимай голову, убьют!” Отломил, протянул ему. Слышу — ест. Потом спичек попросил, прикуривать стал — и носом в снег, — готов. Медальон я с него снял...”

Вот так берегут слова в деревне, как бережёт её Степан Фарков (Ст. Куняев).

“Готов. Медальон я с него снял...”

Зачем это надо было поминать? Но упомянул, не утаил, никто за язык не тянул, но высказал, чтобы быть честным и правдивым перед своей совестью. А совесть у него от того, что он постоянно трудится, как говорил А. Платонов: “Труд есть совесть”.

Сказано, поняли. Но как это понять?

“Этот литератор благополучно издаёт книги для детей в издательстве “Детская литература” и является одним из составителей “Букваря”, изданного миллионными тиражами, “Букваря” уникального в том смысле, что в нём есть немало стихов Сапгира и впервые в истории нашего школьного дела нет стихов Александра Пушкина!”

Но вернёмся к нашему грузинскому вопросу. Ст. Куняев: “А вся заваруха с грузинами началась в 1986 году на VIII Всесоюзном (последнем!) писательском съезде. Наши грузины...”

Что там случилось, общеизвестно, и не будем повторяться, но поэту, сказавшему “наши грузины”, хочу ответить взаимной любовью и сказать — наши русские, от Пушкина до Рубцова, от Толстого до Распутина, Валентина Григорьевича, который, кстати, на том же съезде говорил: “Мы живём хоть и в отдельных квартирах, но в одном доме, и каждый из нас может говорить о неблагополучии на любом этаже, ибо дом-то — один на всех...”

На этих днях прочёл интервью со столетней писательницей из Екатеринбурга, которая говорит, что она вступила в СП СССР и там же остаётся и по сей день.

Батоно Станислав, будьте уверены в том, что то же самое говорю и я: меня приняли в СП СССР в 1973 году, и по сей день я считаю себя таковым.

Ст. Куняев: “Знаменитое грузинское многоголосье, которое можно слушать часами: “Гимн солнцу”, “Гимн очагу”, “Песня о чёрной ласточке”. Звучи то сплетались, то расплетались, то становились воинственными, то нежными. Как удалось народу сохранить их чуть ли не тысячу лет? Из рода в род, из семьи в семью, из века в век переходили их слова и мелодии...”

Нет, недаром эта земля притягивала к себе Пушкина и Грибоедова, Есенина и Заболоцкого, Пастернака и Антокольского... Недаром именно грузины сражались за Россию как за свою родину в 1812 году... Генералы Багратион, Иашвили, Панчулидзе — а сколько вместе с ними офицеров! — пали смертью храбрых в сражениях с наполеоновскими оккупантами...”

Из письма Симона Чиковани от 11.11.67: “Дорогой Станислав! Получил переводы, они у Вас получились прекрасно... Я приношу глубокую благодарность за Ваш вдохновенный труд”.

Ст. Куняев: “Когда я подружился с Шота Нишнианидзе, вникнул в его стихи и начал переводить их, то одновременно с радостью постижения глубины его творчества во мне время от времени появлялись сомнения: а не таят ли в себе стихи такого национального чувства некой разрушительной силы?”

Батоно Станислав, никакой разрушительной силы не таили в себе стихи покойного Ш. Нишнианидзе. Наоборот, он, не сомневаюсь, гораздо крепче дружил бы с Вами теперь, чем в те хорошие времена, ибо друг узнаётся именно в беде, а беда теperешняя для нас — общая беда, и вряд ли кто-нибудь лучше Вас знает об этом. И Ш. Нишнианидзе — и характер его, и суть его творчества, поверьте мне, я знаю не понаслышке — был редактором моей первой книги стихов и представил меня впервые в “Литературной газете” русскому читателю. А что касается того “худощавого и элегантного человека с печальными глазами”, который посетил в 2000 году Вашу редакцию, и Вы накрыли стол, угостили и к тому же помогли “двумя синенькими” на проживание в Переделкинском Доме творчества, вот того грузинского поэта знаю я, можно сказать, как самого себя, — он переводил Вашу прекрасную книгу о Есенине, договорился с журналом “Цискари” о публикации, но, к сожалению, “Цискари” перестал выходить за неимением к тому средств и, конечно, из-за отношения к журналу (и ко всей Литературе) нынешнего правительства. Притом Ваш гость перенёс, к сожалению, тяжелейшую операцию и едва остался жив. Но, как мне известно, он заканчивает перевод Вашей книги о Есенине, которого, как родного поэта, любят во всей Грузии. Потому я не разделяю Вашей грусти, которую Вы вынесли из одного рядового сна:

“Недавно мне приснилась одна из грузинских рек — то ли Кура, то ли Алазань. Будто бы я дочкой вышел на берег ловить форель и вдруг слышу — с противоположного берега кто-то окликает меня: “Стасик!” Смотрю, там несколько человек — Отар, Шота, Резо, Мухран и ещё кто-то... Хотел было я отозваться, да язык как будто пристал к гортани, а они сделали ещё шаг, другой и растворились в белом мареве, словно бы Лету или Стикс переплыли...”

Батоно Станислав, кроме Вами упомянутого Вашего друга Шота Нишнианидзе, все трое Ваших давних друзей — Мухран Малчвариани, Отар Чиладзе и Резо Амашукели — живы-здоровы, и дай им Бог, чтобы они как можно позже переплыли Лету...

Но есть и доля реальности в Вашем сне (“Я видел сон, но не всё было сном в том сне...” Байрон), ведь Вы и сами не верите тому сну.

“Я жил у Вас, переводил Ваши стихи, мы изливали друг другу душу в долгих разговорах, любовались красотой мира... Это длилось десятилетиями! Неужели нам нечего сказать друг другу? Не верю!.. Нужно мужество. Надо его найти...”

И ещё: “Самая большая потеря – это потеря нами гражданства Великой Державы”.

И ещё: “Зачем Грант Матевосян плачет по империи?”

Разрушили СССР и создали ЕС.

Нужно мужество, чтобы правде посмотреть в глаза.

*Туманы — это души гор,
Венец их мужества...
(Важа Пшавела)*

Гений учит нас тому, что именно мужчины должны думать. Не подумав, стали сторонниками в разрушении прекрасного Союза. Не подумав, отвернулись от ближайшего соседа-единоверца и стали искать помощи за тридевять земель...

Батоно Станислав!

Огромное спасибо Вам за книгу, которая призывает нас и учит трезвости...

P.S.: У меня есть одно стихотворение, где говорится:

*Люблю я нашу народную песню,
Люблю я наш народный танец,
Люблю я наш народный стих,
Не люблю я наш народный сон...*

“Счастье Родины для меня дороже, чем свобода печати и даже свобода творчества”. Ст. Куняев.

*Не музыка, не поэзия, а Родина!
(Галактион Табидзе)*

Мурман Джгубурия,

Ваш ровесник, родившийся в том же 1932 году.